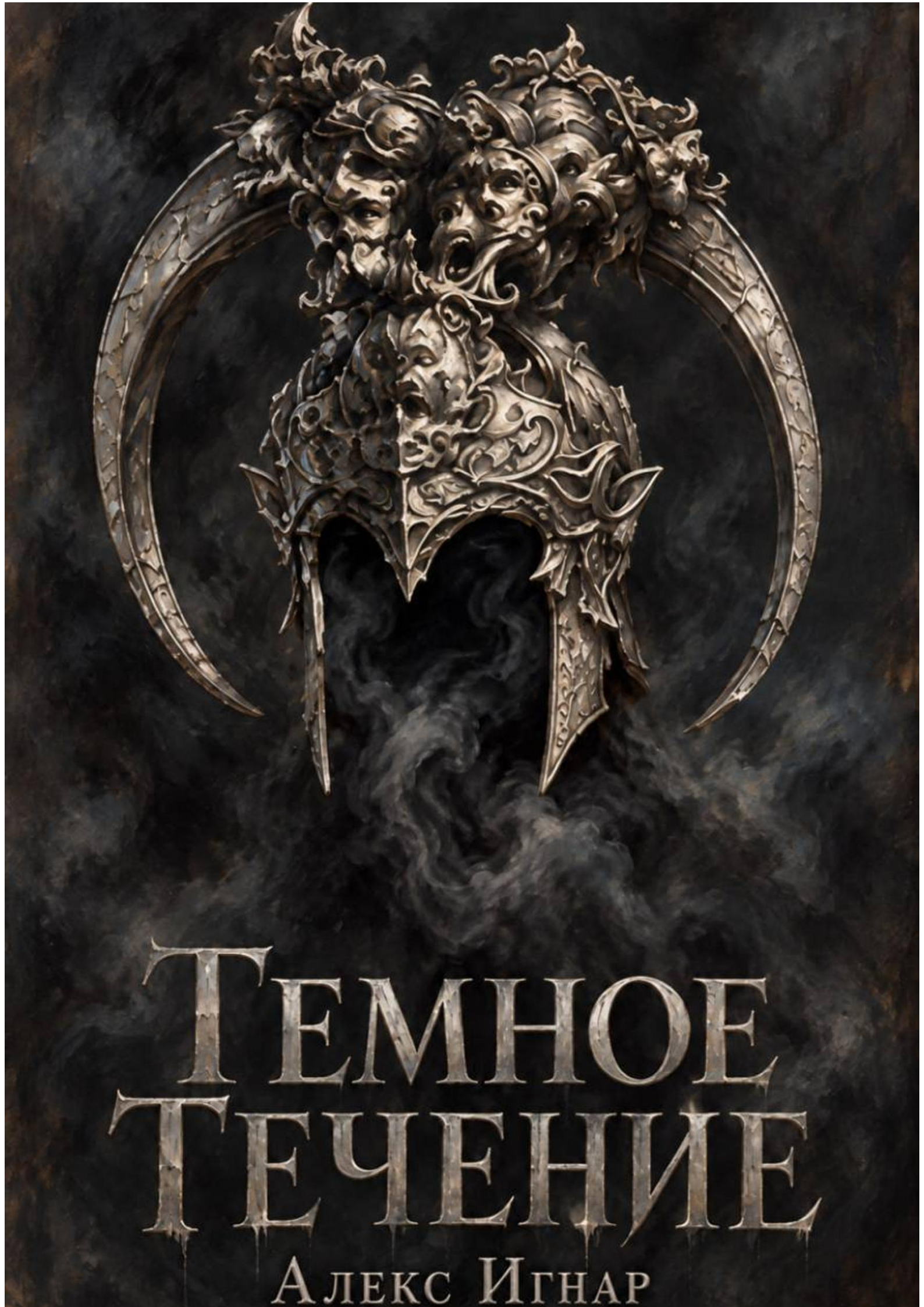
Темное
Течение
Алекс Игнар

Алекс Игнар

Темное Течение

«Автор»
2026

Игнар А.

Темное Течение / А. Игнар — «Автор», 2026

Как распознать конец света, если жизнь вокруг продолжается?За одну ночь столица Аверна захлебнулась кровью. Над дворцом возникло чёрное облако, а вчерашние друзья и близкие обратились друг против друга.Король исчез. Власть рухнула. Люциан Вальтерн, избалованный наследник престола, впервые оказался беспомощен и бежал из родного города.Но за стенами Дорна всё оказалось ещё страшнее. Деревни охватывает безумие, на дорогах пропадают путники, а над королевством разрастается сеть чёрных нитей. Чем дальше Люциан ищет ответы, тем сложнее понять, где заканчивается влияние неведомой силы и начинается человеческая жестокость.Пока древняя магия разрушает Аверн изнутри, соседние государства готовятся воспользоваться его слабостью. Впереди — борьба за власть, предательства и война, способная изменить судьбу трёх стран. Люциану предстоит искать союзников и защищать королевство, которым прежде он почти не интересовался.Можно ли вернуть прежний мир, если прежними уже не станут сами люди?

© Игнар А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Алекс Игнар
Темное Течение

Глава 1

Мерзкий, раздражающий звон колокола прервал сон молодого лорда. Каждый удар бил прямо в висок, заставляя всплывать смутные воспоминания о вчерашнем кутеже. В эти минуты утреннего перезвона он ненавидел весь мир. Злился на себя, на звонаря, на утро и на того человека, который придумал алкоголь. Тяжёлые веки предательски не хотели подниматься. Да и, если уж быть откровенным, Люциан не хотел их поднимать. Он бы с радостью полежал ещё часок-другой, а лучше до обеда. Но колокол продолжал бить, тошнота подступала, а боль в висках становилась настолько невыносимой, что игнорировать всё это было уже невозможно.

Принц приоткрыл глаза и сразу же об этом пожалел. Свет из окна резанул глаза, и боль в висках вспыхнула с новой силой. Кое-как удалось приподняться на постели и уставиться в точку на стене рядом с окном. Смотреть наружу было по-прежнему больно, но очень хотелось узнать, почему сегодня колокол никак не замолкает. Удары то следовали один за другим, то разделялись длинными паузами. На обычный утренний перезвон это не походило, но и знакомого набата Люциан не узнавал.

Выйду сейчас и нос сломаю тому шутнику, который устроил этот кошмар с утра пораньше.

Но мысли эти были всего лишь мыслями. Сесть на край кровати ещё получилось; сил идти разбираться с утренним хулиганом уже не нашлось.

— И чем только занимается стража?

Люциан медленно осмотрел комнату, стараясь не делать резких движений. Может, что-то подскажет, чем это он так накидался накануне ночью.

Освещённые солнечным светом покои не были роскошными. Они были неприлично роскошными, занимая целое крыло на одном из верхних этажей дворца. Высокие окна от пола до потолка выходили на восточную часть столицы, а тяжёлые бордовые занавеси почти всегда оставались раздвинутыми — Люциан любил просыпаться от солнечного света, за исключением дней, подобных сегодняшнему утру.

Широкая кровать с резными столбами и тёмным балдахином, на которой он сидел, стояла у стены. Простыни были сбиты в беспорядке, на полу валялась одежда, оставшаяся после вчерашнего вечера. Возле кресла лежала пара перевёрнутых кубков, рядом — несколько пустых бутылок из-под вина. В покоях пахло разлитым вином. Возле одного из кубков темнело пятно, которое никто ещё не успел вытереть.

На низком столике у окна оставались фрукты и сыр. Кто-то из слуг принёс их ещё вечером, но к еде так никто и не притронулся.

Стены украшали портреты его предков. Короли из рода Вальтернов смотрели с них тяжёлыми, строгими лицами, словно каждый из них знал своё предназначение. Он никогда не любил эти картины. Ему всегда казалось, что предки осуждают его за то, что он не спешит становиться похожим на них.

У камина стоял массивный письменный стол. На нём лежали раскрытые книги, несколько писем с королевской печатью и перо, к которым Люциан не прикасался уже несколько дней.

Всё здесь было дорогим, красивым и совершенно привычным. Даже девушка в его постели. Она лежала рядом, на смятой подушке. Подобные пробуждения давно перестали его удивлять.

На ней всё ещё было платье служанки. Люциан припомнил: она приносила ему одежду, убирала покои, иногда будила по утрам.

Как её зовут? Марта? Мира? Что-то короткое… Впрочем, какая разница?

Тяжесть снова навалилась на плечи, и Люциан рухнул обратно на перину. Колокол продолжал звонить. Наверное, надо разбудить девушку и отправить её разбираться с этим безобразием.

Он с трудом перевернулся на бок и уже собирался растолкать служанку, но она не спала.

Она смотрела ему прямо в глаза.

Служанка не отвела глаз. Губы сжались в тонкую полоску; на лице застыло отвращение. Ни один мускул не дрогнул, когда Люциан пошевелился. Девушка казалась мёртвой.

Но этого не могло быть.

Дыхание было тёплым, зрачки сужались от света. Но даже когда Люциан придвинулся ближе, выражение её лица не изменилось.

Что-то было не так.

Точно ли она жива?

По спине пробежал неприятный холодок. Никогда ещё никто не смотрел на него с такой ненавистью.

Сквозь всё ещё затуманенное сознание начали пробиваться и другие тревожные подробности. Неестественный перезвон колокола, странные звуки с городской площади — то ли вопли, то ли крики, то ли истерический смех, то ли всё это одновременно… И неподвижное лицо рядом.

— Эй! Что ты тут делаешь? Что-то случилось? — спросил принц.

Ответа не было.

— Марта, да? Можешь сходить и узнать, что происходит на улице? Мне очень плохо.

Девушка продолжала смотреть на него.

— Ты меня слышишь? Я прошу тебя, иди и узнай, что происходит. А ещё принеси мне чистую одежду.

Служанка даже не шевельнулась.

Страх пока уступал раздражению. Люциан повысил голос:

— Так, слушай сюда! Я твой лорд и приказываю…

Не успел он закончить фразу, как из-под одеяла вылетела рука с кухонным ножом. Лезвие сверкнуло в солнечном свете. Люциан рванулся в сторону, но нож полоснул по плечу, и удержаться на постели уже не удалось.

Она целилась в горло. Эта мысль дошла до него уже на полу.

Холодный камень, боль в плече, собственное тяжёлое дыхание — всё стало мучительно отчётливым. По спине стекал пот. Виски ещё ныли, но вчерашняя выпивка уже не казалась главной бедой.

Порез был неглубоким, но кровь уже стекала по руке на пол, оставляя красные следы.

— Что ты делаешь?! — завопил Люциан. В голосе его звучали боль, обида, злость, ужас и едва заметные плаксивые нотки.

— Ты с ума сошла? Собралась убить своего принца? Если отец узнает, тебя повесят сегодня же!

Вместо ответа служанка с диким воплем соскользнула с кровати следом. Нож метался перед самым лицом. Приходилось отталкиваться пятками и ладонями от пола, отчаянно пытаясь увеличить расстояние между собой и лезвием.

— Что ты делаешь? За что?!

Всё, что попадалось под руку, летело в служанку: кубок, пустые бутылки. Люциан опрокинул стул на её пути, затем ещё один. Девушка лезла через них, не выпуская ножа. Казалось, ничто не могло её остановить.

Возле камина наконец нашлась кочерга. Пальцы сомкнулись на холодном железе. Ещё вчера он ворошил ею угли, развалившись перед огнём.

Люциан выставил кочергу перед собой наподобие меча.

— Не подходи!

Служанка не отступила. Приподнялась с четверенек и бросилась прямо на него. Лицо перекосило так, что Люциан едва узнавал девушку: ноздри раздулись, верхняя губа поднялась над зубами.

Её искривлённая гримаса ещё долго могла бы преследовать его в кошмарах, но, к несчастью для него, это далеко не самое ужасное, что он увидит в ближайшем будущем.

Кочерга с размаху ударила её по колену. С пронзительным воем девушка рухнула рядом. Нож откатился в сторону, но она даже не попыталась его подобрать.

Поднялась она почти без опоры на ушибленную ногу — и всё равно рванулась к Люциану. Зубы впились в руку с кочергой, чуть выше запястья; обеими ладонями служанка потянулась к его горлу.

Крик вырвался сам собой. Кочерга с грохотом упала на пол. Люциан ударил девушку свободной рукой в затылок. Челюсти разжались, и руку удалось вырвать.

Он толкнул служанку к письменному столу и кое-как поднялся. Спотыкаясь, оставляя кровавые пятна на полу, рванул к двери, ведущей в основной коридор дворца.

В спальне раздался тихий плач, но Люциан был уже слишком далеко, чтобы его услышать.

* * *

Ужас гнал его всё дальше. Люциан даже не думал, что умеет бегать настолько быстро. Зажимая порез ладонью, он нёсся по длинным коридорам и через богато украшенные залы. Одно помещение сменялось другим за считанные секунды. Плечо горело под прижатой ладонью; укушенную руку саднило при каждом движении. Слёзы текли по щекам, под ребром кололо, дыхание обжигало лёгкие. В босых ступнях нарастала боль от ударов о каменные плиты. Но куда страшнее было то, что за всё это время он не встретил ни одной живой души. Если бы он замедлился хоть на секунду и осмотрелся, то заметил бы: его кровь была далеко не первой на этих стенах и каменных плитах.

— Помогите! Умоляю вас, кто-нибудь помогите мне!

— Стража! Отец!

Ярость и страх перемешивались внутри принца. Он представлял, как будет карать стражу, которая бросила его в такой момент. Он же мог погибнуть! Им совсем нет дела до него? Обида подступала к горлу. Но в то же время очень хотелось увидеть хоть одно знакомое лицо. Кого-то, кто сможет помочь и успокоить.

Позади никто не бежал. Люциан замедлил шаг. Недостаток выносливости дал о себе знать: лёгкие горели, воздуха не хватало. Дрожащие ноги плохо слушались, каждый шаг давался невероятным трудом. В висках стучал пульс, а дыхание эхом отражалось от стен и улетало вглубь коридоров.

Я что, тут один?

Ближайшая дверь поддалась, и Люциан завалился внутрь. Маленькая комната прислуги, без окон и почти без мебели. По углам стояли две кровати; на столе тускло горела маленькая лампа. Внутри пахло сыростью и пылью. В такие комнаты принц прежде не заходил. Не представлял, что служанки живут в подобных условиях. До этого утра Люциан даже не задумывался, где они спят.

На краю чужой кровати наконец удалось перевести дыхание. Колокол, крики с площади, пустые коридоры — всё перемешалось. Но стоило закрыть глаза, и перед ним снова оказывалось лицо служанки. Сжатые губы. Чужие глаза. Зубы, сомкнувшиеся на руке. Люциан открыл глаза, но воспоминание не исчезло: рука всё ещё саднила там, где она его укусила.

— Что происходит? Где все? Они должны меня охранять от подобного…

Слёзы снова подступили к глазам, но сквозь собственное дыхание вдруг удалось расслышать новый звук.

Стук.

Из дальнего конца коридора доносился глухой стук — едва слышный, но ровный. Что-то твёрдое раз за разом ударяло по дереву. Люциан подошёл к двери.

Тух-тух-тух-тух.

Значит, я не один. Только почему никто не отвечает на крики?

Дверь открылась без скрипа. Люциан тихо вышел в коридор и двинулся на звук. С каждым шагом удары становились отчётливее. Вскоре к ним добавились голоса. Двое мужчин кричали друг на друга. Первый голос был злым, сорванным, а второй… весёлым? Второй человек смеялся.

Секундное облегчение быстро улетучилось. В душу снова поползла тревога. Смех не стихал даже между глухими ударами. Люциан остановился у двери, за которой первый мужчина надрывал горло, а второй заливался хохотом.

Приоткрыв дверь, Люциан увидел двух стражников у стола. Один держал другого за волосы и раз за разом ударял его головой о столешницу. Посуда подпрыгивала от каждого удара и звенела.

— Ты думал, я не узнаю? Ты меня совсем за идиота держишь? — надрывался первый.

— Да, держу. И не только я. Она тоже так считает.

Между ударами второй успевал выкрикнуть ответ — и снова заливался смехом. Даже когда последовала ещё одна серия быстрых ударов, хохот не прекратился.

— Я убью тебя, мразь!

Первый стражник нисколько не сдерживался. Казалось, он пытался проломить стол головой второго.

— Так же, как и её пытался? Ты, безмозглый кусок дерьма, только и можешь, что руками махать! — Новый приступ смеха разнёсся по комнате.

Люциан не мог выдавить из себя ни слова. Но сквозь оцепенение уже пробивалось другое, привычное чувство.

Они должны защищать меня. Какого чёрта они делают? Потом пусть отношения выясняют.

Он распахнул дверь и встал в проходе.

— Стража! Меня пыталась убить служанка! Разберитесь с ней прямо сейчас!

Избиение прекратилось. Первый повернулся к двери; второй поднял окровавленное лицо. Ненависть и улыбка остались на месте — будто появление принца ничего не изменило. Через мгновение голова снова ударилась о стол.

— Ты ничего о ней не знаешь! Она была со мной десять лет! У нас ребёнок! Мой сын!

— Она терпела тебя десять лет. Ей просто нужно было узнать, что не все такие сволочи, как ты, — ответил второй. Улыбка едва угадывалась на опухшем, залитом кровью лице, но смех становился только громче.

К страху примешалась злость.

Они меня проигнорировали? Как это понимать?

— Я вам в последний раз повторяю! Живо идите за мной и разберитесь со служанкой, иначе я расскажу о вашем неповиновении королю!

При упоминании короля первый стражник замер. На секунду лицо стало мягче, почти растерянным, словно он пытался что-то вспомнить.

— Давай беги, поджав хвост, послушная шавка, а то хозяин наругает, — хохотал второй.

— Убирайся, сопляк, пока я тебе кишки не выпустил, — процедил сквозь зубы первый и снова пригнул его голову к столу.

Люциан застыл на месте, не в силах поверить в услышанное.

— Что ты сказал? — прошептал принц.

— Ты меня не понял? — взревел мужчина.

Стражник выхватил кинжал из-за пояса и швырнул его в Люциана. Лезвие просвистело у самого уха. Позади сухо стукнуло дерево. Люциан сорвался с места. Спотыкаясь и падая, бросился к лестнице, ведущей наверх, в покои короля.

* * *

Ступени мелькали под босыми ногами. Люциан мчался наверх, перескакивая через ступеньку. Там должен быть отец. Он-то точно сможет помочь. У него всегда всё было под контролем. Он никогда не повышал голос без причины. Даже когда во дворце происходило что-то серьёзное, отец оставался спокойным. Выслушивал всех, принимал решение и шёл дальше, будто другого варианта не существовало. Люциан не помнил случая, когда отец не знал, что делать.

Но чем выше поднимался принц, тем отчётливее становились звуки. Двое стражников и служанка — далеко не все оставшиеся во дворце. Лязг мечей, яростные крики, истерический смех, рыдания, треск дерева, скрежет чего-то тяжёлого по плитке — всё сливалось в бесконечный поток шума, в котором уже невозможно было разобрать отдельные голоса.

На очередном лестничном пролёте Люциан почти врезался в одного из дворецких. Имени его принц не знал, но видел пару раз в окружении отца. Этот человек никогда ему не нравился. Слишком хитрый взгляд, а говорил он с такой приторной вежливостью, что становилось тошно слушать.

И всё же знакомое лицо давало надежду. Люциан остановился, на всякий случай отступив на пару шагов.

— Что тут…

Дворецкий замер с широко раскрытыми глазами, будто его застали за чем-то непристойным. До недоговорённого вопроса ему явно не было дела.

Брюки были порваны, мятая рубаха торчала из-под камзола, покрытого пылью и пятнами. Неподобающий вид для королевского дворецкого. За его спиной торчал угол небольшого сундука. Мужчина повернулся боком, заслоняя его, но руки дрожали, и скрыть ношу не получалось. По лицу стекал пот, ноги подгибались. Только пальцы не слабели: сундук он держал мёртвой хваткой.

— Э-э-э… Милорд… Вас… вас ожидают наверху… Меня просили вас позвать, — выдавил дворецкий.

— А сундук тебе зачем? — спросил Люциан.

— А-а-а… сундук? Мне ваш отец приказал от него избавиться. Вот я и решил выполнить сразу два указания одновременно, чтобы не подниматься по этой лестнице дважды. Она такая длинная, правда? Ну, раз вы тут, то я продолжу исполнять второе поручение. Прошу меня извинить.

Не дожидаясь ответа, дворецкий поспешил вниз по лестнице.

Ну, по крайней мере, он не попытался меня убить.

Люциан продолжил подниматься. Теперь шум уже заглушал собственные шаги. Лишь на верхней площадке стало ясно: всё это доносилось из тронного зала.

Сердце в груди замерло.

Произошло что-то очень плохое. Но что?

Верить, что с отцом могло что-то случиться, не хотелось. Даже думать об этом. С каждым шагом грудь сжимало всё сильнее, вдохи становились глубже, но воздуха всё равно не хватало.

Двери тронного зала были закрыты, но шум за ними слышался ещё издалека. Люциан с разбега ударил в одну из тяжёлых створок здоровым плечом. Она с грохотом распахнулась.

Пол и стены были залиты кровью. Бушующая толпа неслась по залу в каком-то абсурдном танце. Складывалось ощущение, что дворец одновременно захватывают и сдают. Кто-то

метался из стороны в сторону и собирал всё, что плохо лежало. Стражники сражались друг с другом. Две служанки и стражник плакали, поджав ноги, в дальнем углу зала. Пол был усеян телами рыцарей и слуг.

Но самое важное было другое.

Не было чужаков.

Все эти люди ещё вчера преклоняли колени при одном его появлении.

Измена? Бунт? Гражданская война? Но… но где же отец?

Отца нигде не было видно. Перешагивая через тела вчерашних подданных, Люциан заметил знакомую фигуру: на стуле сидел Гаррет Крейн, его учитель фехтования.

Наконец-то хоть кто-то, кто может мне помочь.

Почти окрылённый Люциан бросился к старому наставнику.

— Гаррет! Гаррет! Что происходит? Что всё это значит?! Останови это!

Гаррет едва повернул голову.

— А что происходит? Всё нормально. Наконец-то.

Люциан отшатнулся.

— Где… где мой отец?

Гаррет лениво махнул рукой в сторону залитого кровью трона.

— Был где-то там, когда я его видел в последний раз. Всё, оставь меня. Я отдыхаю.

Душераздирающая боль наполнила Люциана. Обходя стороной буйствующую толпу, он добрался до трона. Кровь блестела в углублениях резьбы и стекала с подлокотника на пол. Смотреть внимательнее было страшно. Боялся понять, что его опасения подтвердятся.

И только тогда Люциан увидел, что лежало на полу под троном.

Руку.

Кисть была отсечена у запястья. Ни одного из перстней, которые отец носил ещё вчера, на голых пальцах не осталось. Но Люциан узнал руку раньше, чем успел рассмотреть её как следует.

Именно эта рука гладила его по голове, когда он был маленьким. Эта рука помогала ему встать, когда он падал с лошади.

А теперь эта рука лежала на полу в луже крови.

Слёзы хлынули рекой. Вопль отчаяния и полной беспомощности вырвался из горла. Ноги больше не держали. Люциан упал на колени перед окровавленной рукой. В глазах темнело, к горлу подступала тошнота.

— Мой господин, не окажете ли вы нам честь… — раздался сзади приторно вежливый голос.

Люциан дёрнулся. Страх заглушил отчаяние. Он подскочил, даже не оборачиваясь, и рванул прочь. Слёзы застилали глаза, он почти не видел, куда бежит. Знал лишь одно: здесь его больше никто не ждёт.

Глава 2

Приоткрыв тяжёлую створку парадных дверей дворца, Люциан осторожно выглянул на улицу. Яркий солнечный свет ослепил его, заставив на секунду зажмуриться.

Солнце освещало дворцовую площадь Дорна. По краям тянулись высокие каменные здания, а впереди виднелась лестница, ведущая в жилые кварталы. В центре находился большой фонтан, вокруг которого обычно собирались люди. Вода по-прежнему спокойно стекала по каменным чашам.

Сегодня мог бы быть прекрасный день…

Люциан медленно вышел на площадь и остановился.

В столице Аверна творилось то же самое, что и во дворце.

На улицах люди дрались, кричали и бегали кто куда. Кто-то пытался выломать дверь в лавке, кто-то тащил из чужого дома мешки и сундуки. На каменной мостовой лежало несколько тел. В стороне женщина плакала над мёртвым мужчиной.

Куда теперь идти?

Но среди всего этого хаоса оставалось что-то до странности привычное.

У прилавка спокойно торговались с продавцом.

Неподалёку мужчина подметал крыльцо своего дома, время от времени поглядывая на происходящее, но продолжая работу.

Возле одной из лавок хозяин выкладывал на прилавок хлеб.

Будто ничего не происходило.

Люциан не понимал, что пугало его больше: люди, дерущиеся посреди площади, или те, кто продолжал заниматься своими делами.

Держась края площади, он пошёл к лестнице. Нужно было спуститься в жилые кварталы, а оттуда добраться до городских ворот. Только бы не привлечь внимания.

Но что делать дальше? У меня нет никого, к кому я мог бы пойти прямо сейчас. Только дядя Конрад на востоке государства. Я не видел его несколько лет, с тех пор как он выгнал меня из своего дома. В любом случае выбирать не приходится.

Резкая боль в ступне оборвала размышления. Острый камешек впился в подушечку большого пальца. Люциан поднял ногу, смахнул его и осторожно наступил на мостовую. Ночная рубаха липла к окровавленному плечу, голые ступни уже саднили. Он так и не переоделся после пробуждения.

— Чёрт… Надо бы найти хоть какую-то одежду. В ночной рубахе и босиком я точно далеко не уйду.

Возвращаться во дворец не хотелось. Снова видеть искривлённые лица подданных, которые ещё вчера мило улыбались и кланялись. Да и, по правде говоря… Страшно.

В торговом квартале была лавка знакомого купца. Люциан видел его несколько раз, когда тот приносил королю разные странности из своих путешествий. Приветливый, лёгкий, добродушный человек. А ещё всегда дарил маленькому принцу заморские сладости. Может, он поможет.

До лестницы удалось добраться, не привлекая внимания. Люциан часто видел город с высоты дворцовой площади, но только теперь, прикидывая путь до лавки, понял, насколько неудобен Дорн.

Узкие серые улицы складывались в огромный лабиринт без всякой логики. Дома, палатки, шатры — всё сливалось, переплеталось и расходилось в стороны, чтобы через сотню метров повториться снова. Некоторые дома были прижаты друг к другу так тесно, что оставшиеся между ними щели и переулками-то назвать было нельзя. Окна выходили прямо на стены соседних домов, а протиснуться внизу мог только очень худой человек.

Хотя, наверное, у них с этим проблем не было.

Солнце освещало крыши, но из-за плотной застройки почти не проникало на улицы. По черепице медленно ползла широкая тень — наверное, от облаков. Город словно жил в сумерках, перетекающих в ночь.

Это ужасно… Но почему никто никогда не жаловался? Их всё устраивало? Или они боялись?

Стоять здесь было опасно. Люциан поспешил вниз, то и дело проверяя, не заметили ли его с площади. Лестница казалась невыносимо длинной.

Ощущение, что прямо сейчас на него смотрит весь город, не покидало. Вот он, виновник всех их несчастий.

Поймать, наказать, убить.

Страшно.

Спустя пару минут лестница осталась позади.

Внизу был совсем другой Дорн. Даже хуже того, что Люциан видел с высоты. Здесь становились различимы подробности, о которых во дворце и не задумывался. Отвратительный смрад бил в нос. Мостовая была покрыта нечистотами, которые жители выплёскивали из окон прямо на улицу.

Это последствия их помешательства? Нет, вряд ли… За одну ночь они бы столько не накидали. Да и часть уже старая, засохшая.

Может, ещё не поздно развернуться и пойти за обувью во дворец? Как же не хочется наступать в это босыми ногами.

Люциан прикрыл нос и поднялся обратно на пару ступеней. Сверху донёсся нарастающий гул.

То ли толпа двигалась в его сторону, то ли людей на площади стало больше.

Он замер.

— Лучше в дерьмо, чем к ним.

* * *

Крысы бегали по узким улочкам и скапливались у мясных лавок. Жужжание мух не стихало ни на минуту. Свиньи рылись в отбросах, лошади стояли прямо на улице, затрудняя проход. От города пахло не только дерьмом. В этом смраде было что-то от нищеты и смерти.

Каждый шаг давался с трудом. К горлу то и дело подступала тошнота. Чем глубже Люциан пробирался в город, тем труднее было представить, что здесь можно жить каждый день.

Людей на этих улицах было немного. Страх не исчез, но напряжение понемногу спадало, уступая место голоду. И правда, завтрак он давно пропустил. А может, и обед. Сколько времени уже прошло?

Вот бы сейчас те фрукты, которые остались нетронутыми в комнате после вчерашнего вечера.

До лавки торговца осталась пара улиц. Может, он меня чем-нибудь накормит?

Мысли об обеде вытесняли всё остальное. Запечённый кабан, жареный олень, говядина с травами, утка, сыры, фрукты. Как бы хотелось сейчас хоть чего-нибудь из этого.

В узкой щели между домами пахнуло выпечкой. Люциан протиснулся на следующую улицу.

Пирог.

От запаха печёного теста живот моментально свело. За прилавком, у большой каменной печи, возился пекарь.

На человека, готового броситься с ножом, он не походил. Лицо ничего не выражало, глаза оставались пустыми. Будто перед печью двигалась лишь оболочка человека.

Минут пять Люциан наблюдал за ним издали. Пекарь продолжал работать, не обращая внимания на улицу. В конце концов терпеть голод стало труднее, чем страх.

У прилавка Люциан остановился так, чтобы между ними оставалось место для отступления.

— Пироги?

Пекарь повернулся. Внезапное появление принца, казалось, нисколько его не удивило.

— Да.

— С чем?

— Рыба.

— Можно мне один?

— Два медяка.

— Что? Я твой принц. Ты требуешь с меня деньги?

— Срать я хотел на таких принцев.

Люциан замолчал. Пекарь стоял напротив и ждал.

— Ты себя слышишь, простолюдин? Тебе жить надоело?

— А что ты мне сделаешь? Велишь повесить? Нашёл чем пугать. Два медяка или проваливай.

Несколько мгновений Люциан не мог поверить собственным ушам. Потом всё-таки выдавил:

— У меня нет денег…

— Тогда снимай рубаху. Уж больно она у тебя красивая.

— Ладно…

Люциан стянул рубаху, поморщившись, когда присохшая к плечу ткань оторвалась от пореза. Последнее напоминание о доме осталось в руках пекаря. Тот забрал льняную ткань и вытащил из-за прилавка ещё тёплый рыбный пирог.

— Рыбный пирог, ваше высочество.

Впервые за весь разговор на лице пекаря появилась едва заметная ухмылка.

Румяная корка пахла прекрасно. Неужели здесь пекут не хуже, чем на королевской кухне?

Люциан откусил кусок и тут же остановился. Стоило надломить тесто, как в нос ударил кислый, тяжёлый запах гниющей рыбы. Начинка была тёплой, и от этого становилось только хуже. Кусок пришлось выплюнуть.

— Ты это вчера приготовил?

— Сегодня утром.

Люциан раздвинул края разломанной корки.

— Тогда рыба была старше тебя. Дай мне другой, этот явно испорчен.

Пекарь немного подумал. Ухмылка стала заметнее.

— Ладно, эта рубаха явно стоит дороже четырёх медяков. Выбирай любой.

Следующий пирог выглядел самым красивым из всех. Люциан откусил — и снова скривился. Не дожидаясь одобрения пекаря, схватил третий. Потом четвёртый.

Пекарь разразился диким хохотом.

— Что, ваше высочество, наша еда для вас недостаточно изысканна? Проваливай отсюда, всех клиентов мне распугаешь.

С двумя менее отвратительными пирогами Люциан отошёл в сторону и уселся в самом чистом месте из доступных. В этом углу, под нависавшими крышами, было темно; здесь можно было хотя бы спокойно поесть.

Пирог оставался отвратительным. Хорошо испечённое тесто не спасало испорченной начинки. Давясь и борясь с тошнотой, Люциан всё-таки впихнул в себя пару кусков. На глазах выступили слёзы.

Пообедав, если это можно так назвать, он забрал остатки еды и двинулся дальше, к лавке купца. Здесь было заметно холоднее, чем на дворцовой площади. Без ночной рубахи прохлада подворотен ощущалась всей кожей.

Спустя полчаса блужданий между одинаковыми улочками наконец появилась заветная вывеска.

«Торговая лавка Марека Велеса».

— Наконец-то…

Старая дверь не отозвалась ни на первый стук, ни на второй.

Люциан тихо приоткрыл её и заглянул внутрь. Ни следов драки, ни признаков поспешного бегства. Тёмная лавка, запах сырости.

— Мистер Марек? Вы тут?

Никто не ответил.

За закрытой дверью стало почти так же темно, как ночью. Сквозь щель пробивался узкий луч солнечного света. На прилавке догорала свеча. Значит, Марек был здесь недавно. Может, скоро вернётся.

Подожду его тут, а пока оденусь нормально. Не думаю, что он сильно обрадуется, если я буду встречать его голым.

Разобрать товары на пыльных полках и стеллажах оказалось куда сложнее, чем представлялось с порога.

Как они вообще справляются с бытовыми заботами в таких условиях?

На столе нашлись целая свеча и огниво.

Ну хоть что-то.

Люциан зажёг новую свечу от огарка на прилавке. Свет позволил лучше рассмотреть лавку. Толстый слой пыли покрывал товары и пол. От двери к прилавку тянулась узкая дорожка следов; рядом с ней теперь отпечатались его босые ступни. Похоже, покупателей здесь давно не было.

На одной из полок лежал длинный шерстяной дорожный плащ с капюшоном. Сразу вспомнился голос пекаря.

Ваше высочество. Ваше высочество. Ваше высочество.

Под капюшоном можно спрятать лицо.

Наверное, так будет лучше.

Люциан отложил плащ и продолжил искать одежду. На нижней полке нашлись льняные обрезки. Ими он кое-как перевязал плечо и укушенную руку чуть выше запястья. Пальцы дрожали, повязки получались неровными, но кровь хотя бы не стекала по коже.

Минут через десять на нём уже были грязно-белая льняная рубаха и тёмный кожаный жилет без металлических украшений. Тёмные шерстяные штаны удалось заправить в сапоги до середины голени — потёртые, но добротные. На поясе был широкий кожаный ремень с небольшой сумкой. Поверх всего Люциан надел бурый дорожный плащ.

В небольшой дорожный мешок отправились остатки пирога, фляга, кремень с огнивом и моток верёвки.

Не знаю, что бы сказал отец, увидь он меня в этом, но дядя был бы в восторге.

Так, кажется, мистер Марек держал у себя какое-то оружие на продажу. Мне нужно взять хоть что-то, на всякий случай.

Среди осмотренных товаров оружия не было. Зато в дальнем углу обнаружилась узкая лестница на второй этаж.

Она не выглядела надёжной. Под каждой ступнёй дерево скрипело и прогибалось; казалось, вот-вот провалится. Свеча в руке дрожала, и тени на стенах качались вместе с ней. К счастью, наверх удалось добраться.

На втором этаже сильнее пахло пылью и затхлостью. У стены стояла деревянная бочка с оружием.

Порывшись в ней пару минут, Люциан почти победоносно вытащил из неё старый фальшион в потёртых ножнах.

Вот оно. То, что нужно. Дядя неплохо натренировал меня обращаться с таким оружием, пока не… Ладно.

Закрепив ножны на поясе, он вернулся к бочке.

Среди прочего оружия лежал кинжал — почти незаметный, словно и сам не хотел привлекать к себе внимания.

Клинок был узким и совершенно чёрным — не от копоти или ржавчины, а будто таким его сделали изначально. При свете свечи металл не блестел. Казалось, он не отражал свет, а поглощал. Лишь у самого лезвия проходила тонкая серебристая полоса, настолько ровная, что больше напоминала нанесённую черту, чем заточку.

Рукоять была обтянута выцветшей тёмной кожей. На навершии не было ни герба, ни драгоценного камня — только небольшие резные узоры. Под кинжалом лежали узкие кожаные ножны.

Снизу раздался громкий удар. Входная дверь распахнулась с треском и ударилась о стену.

Кинжал скользнул в ножны и оказался за поясом, под плащом. Люциан задул свечу.

Снизу раздался голос мистера Марека:

— Сукин сын. Удачного вам дня, господин Марек. Как идут дела, мистер Марек? Хорошей вам торговли, уважаемый Марек. Гнилая тварь. Я тебе покажу хорошую торговлю.

Люциан затаил дыхание. Такой злости в голосе добродушного купца он никогда не слышал.

Внизу скрипнула крышка сундука. Тяжёлые предметы загромыхали по полу.

— Сейчас ты узнаешь, как у меня на родине поступали с такими ублюдками, как ты… Вот оно.

Послышался второй мужской голос:

— Марек? Что ты делаешь?

— А, Герман. Поможешь? Хочу сжечь хату этой свиньи, Олдена.

— М-м-м, понятно. А чем помочь?

— Ну, ты же давно глаз положил на его женушку. Подержишь её. А как ты будешь её держать, сам решай.

— Ну давай. Нашёл уже всё, что тебе нужно?

— Да. Можем идти.

Внизу хлопнула дверь. Шаги двух мужчин удалились по улице.

Ещё пару минут Люциан не мог сдвинуться с места. Слова мистера Марека всё ещё звучали в ушах.

— Да как так-то…

По ступеням он спустился быстро, почти не замечая скрипа. Содержимое сундука осталось разбросанным по полу.

У двери пришлось остановиться и прислушаться. Затем Люциан приоткрыл створку, убедился, что у входа никого нет, и выскользнул на улицу.

Я теперь вор?

* * *

После тишины в лавке Марека уличный шум казался оглушительным.

Люциан натянул капюшон пониже и двинулся вдоль улицы, стараясь слиться с толпой. Под ноги смотреть было проще, чем на людей. Главные ворота столицы находились где-то в той стороне. Этого пока хватало. Поднимать голову не хотелось: то ли из страха, что кто-нибудь узнает, то ли чтобы не видеть происходящего вокруг. То ли всё вместе.

Кто-то сильно задел его плечом. По раненому месту прострелила боль, и из груди вырвался резкий вздох.

— Смотри, куда прёшься, нищета, — прорычала неизвестная женщина.

Люциан промолчал и пошёл дальше.

А сама-то кто? Хотя можно ли вас винить?

Путь до восточных ворот не должен был занять много времени. Если улицы дальше будут такими же, минут за двадцать удастся добраться.

Главное — просто их не злить.

Один дом сменялся другим, почти таким же. Каждая новая улица ничем не отличалась от предыдущей. Скользя между потоками бушующих горожан, вчерашний принц понемногу начал различать чужие разговоры. Разобрать удавалось немного; важнее было услышать, не зовут ли его и не говорят ли о нём. Но всем было плевать. У каждого находились свои заботы, куда более весомые, чем очередной оборванец.

На очередном повороте лицо обдул лёгкий ветер. Впервые за долгое время воздух не вонял нечистотами. После блужданий по тесным улицам этот слабый холодок казался спасением.

Сам того не заметив, Люциан перешёл на бег.

Наконец-то я вырвался из этого кошмара. Вот она — свобода.

Впервые с тех пор, как лавка Марека осталась позади, он поднял голову и посмотрел на дорогу впереди. Восточные ворота были всего в двух сотнях метров. Ничего не перекрывало путь. Ещё минута — и он покинет город.

За воротами начиналась длинная грунтовая дорога, уходящая к лесу. В детстве этот лес пугал его. Густая чаща казалась зловещей, а между стволами мерещились человекоподобные существа с очень длинными руками и короткими ногами. Иногда по ночам со стороны леса доносился жуткий, холодящий душу вой. Люди, которым не посчастливилось оказаться там ночью, так и не возвращались.

Сейчас же чаща казалась единственным местом, где можно укрыться от происходящего в городе. Пусть лес. Пусть всё, что в нём скрывалось. Только бы уйти отсюда.

Вот они. До ворот рукой подать.

Люциан бежал уже не боясь, что кто-нибудь его заметит. Голоса оставались позади.

Меня уже никто не поймает. Всё осталось позади.

И тут сбоку мелькнуло что-то прекрасное. Неприлично прекрасное для этого места.

Люциан остановился.

Среди грязи, нечистот и тёмных улиц был маленький сад за низкой белой оградой. Простой, без всякого великолепия, он казался раем среди руин.

Небольшие клумбы с разноцветными цветами, за которыми явно ухаживали. Белая скамейка, от которой исходили необъяснимые тепло и доброта. Родник с кристально чистой водой; из него вытекал тонкий ручей, уходивший куда-то за городские стены.

На скамейке сидел мальчик лет десяти-одиннадцати. Он не выглядел уличным. Короткая рубаха, поверх неё шерстяная туника до колен, пояс, чулки и мягкие кожаные башмаки — достаточно хорошая одежда. Конечно, сейчас она была вся в грязи, но свежей, будто ребёнок упал в лужу пару часов назад.

Что-то сжалось внутри. К горлу подступил ком. Ноги сами повели Люциана в сад.

Услышав шаги, мальчик вскинул голову. На мгновение лицо оживилось, но плечи тут же опустились. Он снова повернулся к ручью.

Вблизи стали видны покрасневшие от слёз глаза и свежая ссадина на щеке. Сейчас мальчик не плакал, только изредка шмыгал носом. В руках он крутил маленькую деревянную фигурку солдатика.

— Что ты тут делаешь?

Губы мальчика задрожали.

— Мама говорила: если я потеряюсь, надо прийти сюда. Она будет ждать меня тут.

— А, понятно. Подождать с тобой?

Ответа не было. Солдатик быстрее завертелся в маленьких руках.

Люциан немного постоял, потом опустился на скамейку, чуть поодаль.

— Как тебя зовут?

— …Элиас.

— А меня Люциан. Приятно познакомиться, Элиас. Ты не помнишь дорогу до дома? Я бы мог тебя отвести.

— Мама говорила ждать здесь.

— Хорошо… Как же ты умудрился так испачкаться? Мама, наверное, не обрадуется этому.

— Мама…

Голос надломился.

— Мама не придёт.

Элиас заплакал. Дальше большую часть слов было не разобрать.

— Мама… Папа… Он… Я пытался… Он сильнее… Почему?

Люциан больше не стал расспрашивать.

Просто сидел рядом и гладил ребёнка по спине. Маленькое тело дрожало под ладонью. Эти тонкие всхлипы причиняли больше боли, чем всё, что довелось пережить в жилых кварталах.

— Я тоже потерялся. Мы с тобой похожи.

Мальчик повернулся к нему. По щекам всё ещё текли слёзы.

— Ты тоже?

— Угу. У тебя есть ещё родственники?

— Бабушка живёт в деревне Роук.

— Хочешь, я отведу тебя к ней?

Элиас опустил голову.

— Мы не дойдём.

— Почему?

Мальчик удивлённо поднял брови.

— Дядя, ты чего? Никто никуда уже не сможет дойти.

Люциан не понимал, что это значит. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец Элиас вытянул руку и указал в небо.

— Ты не видел этого, дядя?

Что-то оборвалось внутри.

Тень на крышах показалась обычной. Всё утро опасность была рядом, на расстоянии вытянутой руки; смотреть в небо просто не приходило в голову.

Люциан поднял голову. Над жилыми кварталами, дворцовой площадью и высокими острыми шпилями клубилось это.

Вопль застыл в горле.

Чёрное, как ночь, облако растянулось над городом. Между его клубами оставались неровные просветы, сквозь которые пробивалось солнце. Но само облако не походило ни на обычную грозовую тучу, ни на дым от пожара.

Оно двигалось неестественно.

Сжималось и разжималось, будто огромное сердце.

Из чёрной массы вываливались густые клубы и снова втягивались обратно. Всё это казалось живым.

И этот звук.

Беспорядочный гул доносился сверху. До сих пор он терялся среди криков на улицах. Теперь в нём чудились голоса, сплетённые так тесно, что отделить один от другого было невозможно. Люциан был готов поклясться, что видел в облаке нечто, не имевшее ничего общего с дымом или паром.

Ему мерещились тела.

Бесчисленные измученные человеческие фигуры, переплетённые в каком-то безумном танце. Казалось, они корчились в бесконечной агонии, но стоило попытаться разглядеть их лучше, как очертания исчезали в клубах чёрной массы.

С каждым сжатием этого кошмарного «сердца» от него отходили тонкие чёрные нити.

Будто огромный паук оплетал небо своей зловещей паутиной.

Нити ползли в разные стороны, создавая другие, меньшие узлы. Те тоже сжимались и разжимались вместе с основным облаком, а от них тянулись новые нити.

Чёрная паутина медленно расползалась над городом.

— Что это…

— Не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.